

Федор Иванович Шаляпин скончался в Париже 12 апреля 1938 года от лейкемии. И хотя все русские эмигранты, жившие во Франции, находят свое последнее пристанище на кладбище Сент-Женевьев де Буа, основанном княгиней Мещерской, гениальный русский артист был похоронен на военном кладбище Батиньоль. Ведь Федор Иванович не имел,

вернее, не хотел иметь французского подданства, оставаясь всегда гражданином СССР. Но и на Батиньоле его смогли похоронить только благодаря благосклонности к артисту одного крупного военного чина. Последняя воля артиста — лежать в русской земле — смогла осуществиться только в 1984 году, когда его прах был перевезен из Парижа в Москву. Но, вероятно, мало кто знает, что это решение было неоднозначно встречено, как тогда говорили, советской общественностью.

В адрес Министерства культуры и Всесоюзного музыкального общества пришло много писем, авторы которых все еще считали Шаляпина «белоэмигрантом», недостойным такой почести. Этих людей можно было понять: ведь миф о «предательстве» Шаляпина был сочинен на его Родине. За ним зорко следили с этой, «нашей», стороны всю его жизнь и, когда представлялся случай, организовывали скандалы, фальсифицируя факты и подтасовывая события. Такой гнусной ложью стала история с пятью тысячами франков, которые артист якобы передал в 1927 году одной белогвардейской организации в Париже. На самом же деле это был его дар бедствующим детям русских эмигрантов, переданный через русского священника Г. Спасского. А какое унижение он перенес, когда

был лишен звания «народный», можно только догадываться. В советской прессе его травили и В. Маяковский, и Д. Бедный, и М. Кольцов, не считая уж более незаметных «подручных» партии. Более всего ему досталось от М. Кольцова в фельетоне, посвященном выходу во Франции в 1932 году его уникальной книги «Маска и душа». Но было отчего взбелениться советской прессе. Вот как пишет Федор Иванович о Сталине: «Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных по тону фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он также мягко, как мягка его беззвучная поступь лезгина в мягких сапогах, и станцует, и взорвет Храм Христа Спасителя, почту, телеграф

— что угодно».

Подлинный Шаляпин стал возвращаться к нам не столь уж и давно. Открытие его дома-музея на

Как Шаляпин обрел Родину

Ф. И. Шаляпин поет для солдат первой мировой войны в госпитале, располагавшемся в его доме на Новинском бульваре.

Новинском бульваре, выход великолепной автобиографической книги «Маска и душа», а также статьи и исследования творчества артиста Т. Емельянова, В. Гармаша, Ю. Котляра постепенно вернули нам настоящий образ Федора Ивановича Шаляпина со всей правдой его далеко не безоблачной жизни западной «звезды», со всей болью от невозможности работать во благо своего народа.

В. Телешов, внук писателя и хранитель его мемориального кабинета, рассказывал однажды, как трудно было французским специалистам извлечь гроб с телом покойного, чтобы не потревожить прах его жены.

Вообще по французским законам перезахоранивать умерших нельзя. Но поскольку артист и его жена были захоронены в склепе, удалось получить такое разрешение у муниципальных властей Парижа. Тогда же произвели и эксгумацию. Специалисты увидели хорошо сохранившийся лик и волосы. Дело в том, что тело Шаляпина было сильно набальзамировано: похороны задерживались, ждали из Москвы старшую и самую любимую дочь Федора Ивановича от первого брака — Ирину Федоровну. Телеграмма о ее выезде была получена, но только немногие посвященные знали, с каким трудом ей удалось добыть это разрешение. Однако все оказалось уловкой. Ирину Федоровну задержали на границе и заставили вернуться.

Хоронили Шаляпина в цинковом, герметично закрытом гробу. А в Москву его перевозили в трехкамерном гробу — деревянном, свинцовом и снова деревянном. Передача праха представителями парижского муниципалитета состоялась в фойе Большого театра.

Татьяна ГЛИНКА